

Татьяна ДРУБЕЦКАЯ

Письма моей бабушки

Юле и Лилли Сурис, Роми, Нике, Зое Друбецким

О существовании этих писем я узнала четыре года тому назад. Их писали моя бабушка, папина мама Роза Лазаревна Сурис (Коган) (12.02.1889 — лето 1942) и мой дед Давид Моисеевич (Морицевич) Сурис (1.10.1886 — лето 1942) из одесской тюрьмы няне моего отца, фактически члену семьи Клавдии Тимофеевны Нечаевой (18?? — 1959).

У меня никогда не было (за исключением вот бабы Клавы) бабушек и дедушек. В детском садике у ребят они были в тех или иных количествах, были почти у всех и коки — крестные, а у меня — только мама и папа. Старшие — погибли. Я не знаю, какие подробности знал папа — разумеется, он читал эти письма и от Клавы должен был тоже получить те или иные сведения. Знаю, что и после того, как эта тюремная переписка прервалась, Клава искренне верила, что ее подопечных угнали в какой-то окрестный лагерь, и все надеялась, что они вернуться. В этом она уверяла папу в письмах ему на фронт. Потом надежда исчезла. Мне всегда говорили, что они погибли в лагере под Одессой — когда и как?..

У меня хранится много семейных фотографий и устных воспоминаний о бабушке и деде. Она была женщина незаурядная, добрая, теплая, и жизнь ее с дедом, одаренным юристом, но взбалмошным и нечутким человеком, была нелегка. В семье росли два сына: Арнольд (Ноля) и Борис (Боба, Бобася), возрастная разница между которыми в 14 лет мешала тесному сближению. В середине 30-х годов Ноля, талантливый архитектор, уже работал в Москве.

Клава появилась, когда родился папа, очевидно, в начале или середине 1923 года, и так и осталась. Она обожала своего воспитанника, и он отвечал ей горячей искренней любовью.

22 июля 1941 года мобилизованный папа покинул Одессу, в которую он вернулся только летом 1945 года. О дальнейшем у меня есть только отрывочные сведения. Когда Одесса была оккупирована и начались облавы на евреев и массовые убийства, Клава спрятала Сурисов. (Где, как — не знаю.) В укрытии они пережили самые страшные периоды до весны 1942 г. А далее — так мне сказали, — когда как бы начались послабления в "еврейском вопросе" и евреев не убивали на месте, дед не выдержал и стал выходить. Его опознали, и их схватили...

Я впервые познакомилась с бабушкой на мятых, жеваных, заплаканных страничках этих нескольких писем. Она — моложе меня нынешней, ей 52 года, дед, кстати, тоже — ему 56.

Очевидно, добрейшей и широкой души человек — она должна держаться сама, поддерживать более слабого духом деда, организовывать их быт (питание, стирка, починка одежды), искать дополнительные возможности (сшила платье). Просьба Клаве прислать йод — смазывать раны не только деду, но и другим нуждающимся. В камеру попадает женщина с младенцем — попытки обеспечить его хотя бы рваньем на пеленки, что тоже непросто. Дед этого младенца — набожный еврей, сидит в мужском отделении, его схватили так, что он даже шапку не успел захватить — она просит Клаву и о "кэпи" для него. Есть еще какая-то Мина, перед которой она чувствует себя виноватой (что там произошло, не выясним никогда), и постоянно она просит Клаву сделать что-то и для той.

И — отчаянная надежда ("авось проскочим") на встречу с любимыми сыновьями, и молебья-заклинания об их жизни.

Три месяца длится эта переписка, а потом — в камере — сыпной тиф, и бабушка ухаживает за заболевшими. Были ли у нее шансы не заразиться?

Одно письмо от деда. Роза свалилась — и все рассыпалось. В течение полутора недель крали Клавыны передачи,

нет возможности хотя бы подкормить угасающую больную. Наверное, для нее тогда, в июле, все и закончилось...

Клава — вернейшая из верных — точно следовала всем указаниям из тюрьмы. Не так-то просто было выжить и без подобной нагрузки, а тут — добыть пищу, что-то умудриться продать и выручить деньги для передачи в тюрьму, получить там стирку, сделать ее и срочно вернуть чистое назад, бежать по оккупированному городу, разнося записки и выполняя поручения. Я знаю, что когда она прятала бабушку и деда, то продала папины коллекции марок и на это их содержала, а потом — то, что велела Роза. Когда не стало, кому носить передачи, она не притронулась ни к чему — сохраняя все "до возвращения Бобочки".

Моей маме она отдала бабушкины кольца, одно — с бриллиантом большой ценности. Помню я и синий отрез, который не велено было продавать. Он пережил и Розу, и Клаву.

Что случилось дальше — можно додумать по листу свидетельских показаний в "Яд Вашеме", оформленных Генриэттой Суворовской от своего деда Волько-Санева Харитона, того самого набожного еврея, сидевшего с дедом. В графе "обстоятельства гибели" она записала: 1942 год, лето, Одесса, расстрелян.

Реконструировать эту историю стало возможным с помощью моего брата Юрия Суриса, моего сына Петра Друбецкого и свидетельских показаний, оставленных в "Яд Вашеме" Генриэттой Суворовской, дочерью, сестрой и внучкой людей, упоминающихся в письмах.

Спасибо им, и пусть сохранится память не только о моих близких, но — и обо всех, опаленных "виной" еврейства или причастности к нему.

(Я оставила в неприкосновенности правописание с его особенностями (своеобразное написание частиц "так" и "как") и пунктуацию. Так же, как неукоснительное обращение к Клаве на "Вы" с большой буквы.)

Поиски вокруг писем бабушки привели к знакомству с семьей Суворовских. Как я уже упоминала, начав искать по фамилии, я прочитала свидетельские листы в мемориале "Яд Вашем", которые переслала туда Генриэтта Суворовская из Нью-Йорка. Найти человека в наш компьютерный век не долго, и вот мы уже состоим с нею в интенсивной переписке и телефонных переговорах, что несколько осложняется разницей в часовых поясах. Она рассказывает мне историю своей семьи.

Леонард Францевич Суворовский был талантливым инженером, графиком и, как теперь сказали бы, дизайнером. Поляк по национальности, он женился на Марии (Мане) Харитон. Пара была очень красивой. Маня работала секретаршей в НКВД и, по иронии судьбы, до войны по служебным надобностям ей не раз приходилось бывать в одесской тюрьме. Когда Одесса была оккупирована, Леонард Суворовский устроил в своей квартире настоящее подполье на сооруженных им антресолях, благо потолки в старых одесских домах были высокие. Там он прятал кроме жены и ее родителев сестру и нескольких знакомых. Маня уже была беременна. Чтобы как-то существовать и кормить всех, он варил мыло и продавал его на базаре. Труднее было с водой, которую приходилось носить издалека — на девять человек.

Конечно, нереально было рассчитывать на покладистость соседки. Одна из них, Гура, работавшая кем-то вроде паспортистки, наладила "бизнес": она приводила к Суворовскому евреев, которым он подделывал документы за очень большие деньги. Деньги шли Гуре, а платой Суворовскому служило ее молчание. Гура легализовала поддельные документы, но однажды что-то не заладилось, и ее арестовали. Она немедленно выдала Суворовских-Харитонов, и те были

сразу увезены в тюрьму. Был суд (Генриэтта обещает мне показать вырезку из одесской газеты 1942 г. с заметкой об этом суде). Все получили различные сроки заключения. Вернее, не все: мать Мани, Крейндел, уже погибла. Она решила проверить оставленную квартиру, вышла из укрытия и пробиравась "к себе", но попала в облаву и была облита бензином и сожжена заживо.

Вот так Маня, ее сестра Ольга и Гура оказались в одной камере с моей бабушкой, а Манин отец Волько-Санев стал соседом дедушки. Суворовский сидел отдельно. (Из бабушкиных писем мы знаем номера камер.)

Потом и он, и Маня рассказывали детям, как он устроился тюремным истопником и провел трубы в Манину камеру (она была на сносях, а — февраль, холод...). Однажды при обыске в камере нашли золото. (Это уже из воспоминаний Мани.) Пришел румынский офицер, красивый (ну что тут поделаешь — смерть совсем рядом, а пригласить офицера нарпекко запомнилась), и потребовал сознаться, чье золото. И Маня вышла и сказала, что ее, что было неправдой. Тот изумился: за укрывание драгоценностей полагалась смерть. Он переспросил, Манино ли кольцо, и та ответила, что да — ее. Он отдал ей кольцо. А цепочка? И цепочку Маня признала своей. Он отдал ей цепочку. А часы? И часы получила Маня. Она, конечно, плохо сознавала, что происходит, но румынский офицер, наверное, был поражен не меньше ее самой.

10 марта Маня родила Леонардика (того, которому бабушка просила прислать тряпок на пеленки). Роды принимал Леонард. И тут я должна процитировать из письма Генриэтты: "Мой дедушка был очень набожным, соблюдал все еврейские обряды, даже Ваша бабушка об этом писала... Он стоял на коленях перед моим неевреем-отцом, умоляя не делать обрезание ребенку, потому что он видел, как румын раздел какого-то мальчика голым и шомполом стал бить по обрезанному пенису".

Потом младенца убили, а в камере стал свирепствовать сыпной тиф...

Маня с сестрой выжили, и их освободили из тюрьмы в начале 1944 года. Они знали, что отца и всех из его камеры (значит, и моего деда) увезли прямо из камеры на расстрел в начале лета 1942 г. Леонард уже был выпущен и нашел убежище в семье своей сестры Елены Суворовской и ее мужа, Александра Вольфа, немца по национальности. У Вольфов было двое детей. Вот в этот дом и привел Суворовский Маню и Ольгу Харитон и их подружку Риву Шейнер прямо после их освобождения. Вольфы стали прятать всех. В Одессе был настоящий переполох, оккупанты готовились оставить город, и опять начались расстрелы евреев. Полуживым, простуженным женщинам постоянно приходилось прятаться в шкафах, не смея подать звук, потому что к немцу Вольфу постоянно навевывались "свои". Вольфы очень хорошо понимали, что рискуют не только они, но и дети, но они не могли пойти против совести... Два месяца, оставшиеся до освобождения Одессы, могли показаться обитателям квартиры адом.

Генриэтта, дочь Мани и Леонарда, родилась в мае 1945 года. Маня хотела назвать ее Крейндел, но паспортистка отсоветовала — неласково будет девочке жить с таким именем. Александра, родившегося спустя пять лет, назвали в честь деда.

Когда Генриэтта училась в Одесской консерватории (она пианистка), то теоретическими дисциплинами она занималась у дяди моего папы, брата бабушки, Александра Лазаревича Когана.

И Леонарду Францевичу Суворовскому, и супругам Вольф за спасение евреев присвоено звание Праведников мира, и их имена выбиты на стелах в мемориале "Яд Вашем".

Письмо первое

11.04.1942

Дорогая Клава!

Во-1-х со Светлым праздником поздравляю Вас и желаю чтобы следующий праздник мы провели все вместе с дорогими нашими детьми. Теперь объясните, почему Вы так долго не приходили?

Мне все казалось, что кто-то из друзей Вам устроил такую же участь, как наша, и я и Дав. Моис. от этих думок плюс прекрасная наша жизнь чуть не рехнулась. И как я была счастлива, когда вчера наша бригадириша принесла от Вас передачу. Я плакала от радости на всю камеру и со мной все остальные. Вы не можете себе представить до чего могут такие мысли привести — что может быть из-за нас Вы столько страдаете и теперь еще и такое испытание! Но я счастлива, что Вы целы и невредимы. Но что же послужило причиной тому, что Вы не являлись с понедельника до четверга следующие недели? Или Вам сказали, что нас уже нет? Это чуть-чуть не случилось, но об этом будем рассказывать, когда встретимся — будет ли это когда-нибудь? А вдруг будет? Была ли у Вас такая старушка Екатерина Николаевна и молодая женщина Клео, очень похожая лицом на Норочку нашу? Думаю, что это она устроили возможность нам передачу. Напишите про все и когда я или Пономаренко выйдем к Вам, то возьмем.

Теперь я боюсь задать Вам вопрос, который встает передо мною: жива ли бабушка? И может быть из-за этого Вы не приходили? Кроме того Вы ни кусочка Паски не передали неужели никто не пек их? Почему? Потом, почему Вы были не в синем пальто зимнем? Вообще у меня еще много волнующих вопросов. Но как их задавать, когда получить ответ?

Насчет отправки пока молчат, но это может произойти каждый день. Говорили, что сейчас же после праздников. А то говорят, что в начале мая. Мне очень хочется, чтоб Вы следили за этим, а с другой стороны я бы так хотела, чтоб Вы отдохнули и от нас и от жизни, какой Вы сейчас живете.

Зубы Дав. Мойс. сразу же пришлись, а теперь он говорит, что они его очень стесняют. Но Вы ведь его знаете. Ему угодить? Но сейчас его прощать надо.

Теперь, за эти полторы недели нам приходилось покупать пищу, собственно покупали только хлеб, за который платили по четыре, четыре с половиной и пять марок. И очень редко удавалось покупать молоко. И поэтому у нас много денег ушло и очень мало осталось. Что Вы продаете? Я бы хотела, чтобы такие вещи, которые не нужны будут нам немедленно, если мы живые вылезем. Платок белый сохраните, не продавайте его. И вообще что Вы продаете? Что Вам еще писать? От всей души желаю чтобы только наши злейшие враги очутились в нашем положении. Выскочим ли... удастся ли?

Еще эта Мина. Она считает, что она со своей семьей уцелела бы, но это не важно. Вы для нее собрали где-то сорочку, кальсоны и чулки. Но какие-нибудь туфли, платье и кофты. А то просто придется свое отдать, а у меня ведь немного, что есть. Так что сорганизуйте обязательно это дело.

У Вас еще была несколько раз Анна Ивановна, Вы ее мальчику относили с Канатной на Еврейскую записку — помните? Ее муж сидит вместе с Давид Мойс. Они волновались за нас — что мы с голоду помрем. Конечно, этого бы и не было и не это было главное, а я безумно волновалась. Что Вера, Власий? И так, марки готовьте, потом обязательно несколько карандашей, разве их у Вас мало? Бумаги по-

больше и чистой и не чистой — почему так мало передаете? Немного пудры — как ни странно сейчас думать. Потом я все время прошу зеркальце — там ведь в ящиках было много разных, можно не ахтительное. Потом ваты немного. Йоду — весь уже ушел — здесь много раня и болячки у всех, и я смазывала йодом.

Передаю Вам белье Дав. Мойс. Если хотите и сможете, то спешно и постирайте, чтоб послезавтра опять нам передать. Раньше просите, здесь ли мы еще. Думаю, что мне самой удастся выйти к Вам. Во всяком случае напишите про все интересное для меня, главное, почему не приходили. Слыхали ли что-нибудь про Харламову Петрович и др? Живы ли?

Вы выпишите себе, что нам принести и принесите. Еще какой-нибудь затрушенный нож, а то нечем резать. Ну, что еще написать? Опять про то, как мы несчастны? Не стоит. Будьте Вы счастливы. Встретьте должным образом наших дорогих детей и родственников, и если мы не доживем до встречи с ними, что все мысли мои и Дав. Мойс. о всех них и Вас, чтоб всем хорошим людям было хорошо и добро. Да хранит Вас всех судьба и Бог!

Здесь записка Мины к Вере, которая живет в ее квартире. Можете прочесть ее и что-нибудь пусть Вера и Марья Никол. сделает для нее.

Будьте счастливы. Целую всех вас крепко. Я. Скрывайте, что ходите к нам. Вере Мининской скажите, что кто-то ей дал письмо...

Письмо второе

15.04.1942

Дорогая Клава!

Если Вы внимательно читали мое последнее письмо (а очень нужно, чтобы Вы очень

внимательно читали все мои письма!), то Вы и узнали, что я счастлива, что с Вами и у Вас все благополучно. А вот Вы когда увидели меня на передаче, то успокоили меня не тем, как с нами будет и есть, а что Вы видели Дору, Лиду и Лику на свободе. Я и подумала, что наша (моя и Дав. М.) судьба Вас уже мало интересует и вообще вероятно мы Вам уже здорово надоели, а между тем сейчас Ваша помощь нужна как никогда. Дело в том, что есть разговоры, будто какое-то количество останется. Сам прокурор нам сказал, что мы попадаем в число евреев, которые уцелеют. Если судьба нас захочет пощадить для того, чтобы встретиться с нашим дорогим Бобасей, то кто же нам должен помочь, если не Вы?? Потерпите еще немного. Авось проскочим. А помощь Ваша должна выразиться сейчас в поддержке материальной и моральной. Материальная — это передачи и деньги, а моральная — следите внимательно за нами. А то Вам сказали, что нас уже нет (а кто сказал?) и Вы сразу успокоились, а мы здесь голодали. Так вот, следите Вы можете и сами, и вместе с Анной Ивановной Тужилкиной (Белая, 19) — ее муж, Александр Ильич, инженер Штейнберг, очень интересные и симпатичные люди — сейчас он вместе с Дав. Мойс. тк что вероятно нас ждет одинаковая судьба, кк я уже писала — то с Анной Ивановной имейте контакт и узнавайте у нее все. Я даже предлагаю Вам с ней чередоваться с передачами — один день она, а другой Вы, чтоб мы имели связь с Вами. Так вот, разговоры такие, что евреев пошлют в гетто на Слободке — и там они и будут (тк ли это!). А не то, что пошлют в Березовку, а там ремесленники пристраиваются. Так что я очень надеюсь на это. Я здесь сшила несколько платьев, тк что там наверно не пропаду, если будет база

в Одессе, у Вас. Может быть — это эгоистично. Но у меня сейчас настолько большое самодлюбие — мне кажется, что и Вы, и Ваши родичи уже хотели бы нашей гибели, чтобы освободиться от забот о нас. А нас судьба еще держит. Надолго ли? И зачем? Если б Вы знали, как мне тяжело! Если удастся когда-нибудь встретиться и поговорить, то это будут сплошные слезы, как впрочем и сейчас я должна была стереть их с моих глаз.

Итак, договариваемся с Вами: опекайте, имейте о нас опеку до какого-нибудь логического конца, а потом уже Ваша совесть будет спокойна. Потом имейте контакт с Анной Ивановной и обязательно узнайте какие евреи и как и сколько живут на Суконной фабрике. Говорят со 2-го апреля, которых отсюда послали — попали туда. Так ли это? Итак, договорились. Вы продолжаете опеку о нас в полной мере до победного конца. А мы умоляем судьбу пощадить нас для совместной дальнейшей жизни с Вами и с Бобасей, когда он, даст Бог, приедет. А это должно произойти, но надо пойти через большие испытания, может быть, даст Аллах, проскочим. Видите, я сделала верующей.

Теперь с Миной. При моем положении — она со мной. Если бы я не была так виновата в ее судьбе теперь — я бы иначе с ней разговаривала, но теперь не могу. А потому ей нужно помочь. Нам дают 100, 150 гр хлеба и горячую жидкую похлебку. Это вкусно, но недостаточно. А потому может быть соседи ей будут передавать 2 раза в неделю что-нибудь — хлеб, мамалыгу, кашу и т.д. А то что Вы принесли я должна делить не на 2 части, а на 3 — и получается голодно.

Теперь мне требуется: йод, у Дав. Мойс. вероятно, от грязи на затылке прыщи. Пару коробок спичек, мыло, тот кусок, который я не вымыла стирочный, а если Вы его использовали, то другой. Но режьте тоже не большими кусками. Потом нуждаемся в соли, муке (цибуля). Потом обязательно портреты Бобы, Ноли и Бубы. Кусок ваты. Потом гребешочек темный в прическу, постоянно носить, знаете?

Теперь то, что я Вам даю — постирайте и сейчас же обратно несите — все же неизвестно, что с нами будет. Очень прошу принести мне мою белую из шелков. полотна блузку — она у меня одна — потеплее, если мы выживем — она мне понадобится, а на худой конец — продать можно. Имейте в виду, что русские родственники могут помогать евреям, а Вы ведь очень давняя родственница. Ваша племянница еще с каких пор замужем за моим двоюродным братом!!

Теперь насчет пищи. Говорят, что продукты очень вздорожали. Почему хлеб? Яйца? Сало? Так вот выбирайте подешевле и посытнее. Хлеб — обязательно, мамалыга, масло немного и т.д.

Теперь я передаю Вам 5 марок — они неаккуратные их здесь не возьмут. Вы купите кусочек стирочного мыла для Мины — она мне дала 2 марки последн. Потом другая просила густой гребень, гребень для ношения в прическе, безразлично какой и 3 приколки для прически. Все это купите и напишите сколько стоит — я здесь получу. Итак, будьте здоровы, думайте о нас — Вы единственный здесь для нас друг, уж до конца продержитесь и поддержите нас.

Целую крепко.
Я.

Письмо третье

Без даты

Дорогая Клава!
Спасибо за паску. Чтоб у всех нас была такая вкусная жизнь. Прелесть. Спасибо за то, что Вы не оставляете нас в таком ужасном положении.... Но обязанность каждого близкого родственника помогать. Не правда ли? Вы понимаете? Мы теперь не голодаем. Хорошо кушаем благодаря Вам — дай Бог Вам здоровья и счастья, и если только Вам удастся встретиться и жить с нашим дорогим Бабасей и мы выкрутимся. Будет хорошо.

Но пока довольно паршиво. Еще хуже что ничего нельзя от Вас получать в смысле письма, а ужасно хочется. Может быть напишите на большой бумаге, без обозначения имени кому пишите. Напишите про все, сомните бумагу и заверните в нее что-нибудь, если они у ворот не забирают этих бумаг. А не то просто тому кто у Вас берет передачу и дает Вам посуду это незаметно всунуть.

Очень жаль, что Вы в среду не передали Штейнбергу для нас передачу. Меня офицер не пустил, потому что я сказала ему, что я еврейка, а не жидовка, а он сказал, что жидам нет передачи. Пономаренко переведена на другой этаж. А Кальницкая с нами пока...

Об отсылке. Когда и куда? Неужели столько промучаемся и не дотянем до конца? Прокурор сказал, что будем до конца войны сидеть. А когда она кончится? Все ждут конца войны. Теперь — все записки, если сумеете передать по назначению — будет очень хорошо. Мина просит и даже начала требовать какого-нибудь платья. Бога ради с'организуите, а то из двух платьев, какие у меня, я должна буду

отдать одно. Потом балетки ей не годятся — велики и нехороши. Попросите Веру, которая живет в ее квартире дать ей что следует, если это Вам удобно!

Теперь Штейнберга перевели в соседнюю камеру, тк что он разделен с Дав. Мойс., но я захожу к одному и другому иногда.

Вы когда пойдете с передачей в эти дни вызывайте Кальницкую — эту блондинку, которая вчера передала. Если не выйдет — зовите Суворовского из 3-ей камеры 4-ый этаж, а если и это не удастся, то Штейнберга. А если не удастся и это, то узнайте у его жены — Анны Ивановны Тужилкиной, Бебеля 19 — вроде уже наладили с ней связь?

Я — на 4-м этаже камера 7
Д.Мой. — 4-ый эт. Камера 2
Суворовский Леонард Францевич — на 4-м эт. Камера 3
Штейнберг Александр Ильич — 4-ый этаж кам 1.

Между прочим жена Суворовского Маня, Мария с нами в камере с новорожденным — ему 5 недель. Вы понимаете эти условия в которых они без вещей, без пищи, без молока. Так вот соберите старое барахло, годное на пеленки и прочие вещи. Обязательно, я тоже дала несколько тряпок, какие Вы присылали, какие были со мной. Все. Какие счастливые Лида, Лика и Дора! Неужели мы будем такими???

Целую.
Я.

Пришлите кусочки батиста или там еще шелковые тоже. Спички. Потом опять бумагу чистую и нечистую. Ведь всех я снабжаю. Все здесь несчастные пишут, сигнализируют, чтоб им помогли — это плохо удается. Чтоб не спазить, мы с Дав.Мойс. в лучшем положении — благодаря Вам — чтоб Вы со своей семьей горя не знали, а потом, чтоб и мы с Вами жили. Я счастлива, что бабушка жива. Дай бог, чтоб мы дождались с ней встретиться, думаю, хочется думать, что это будет так.

Пришлите там была старая черная рваная комбинашка. Может быть зашью и дам Мине. Она совершенно голая. То что Вы послали старое и уже порвалось. Ей платье нужно.

Все. Целую крепко.
Вот все передачи делайте сытные. Чтоб были подешевле. Я ведь из того, что присылаете, еще и оставляю в запасе на случай от'езда.

Все же пару вареных мамалыг или малай пожалуйста.

Нам известно, что цены на продукты кошмарные? Будто хлеб 4,5 м. Коровье масло 2,5 м. и т.д. Правда ли это. Просто про это напишите чтонибудь, а я пойму.

Теперь прошу немного пудры. Вы творог завернули в кусок батиста — я из него сделала очаровательные платочки, а кто ими будет пользоваться?

Мне уже настолько безразлична жизнь, что уже и ничего не хочется. Тем не менее, если еще будет передача, то принесите немного соли, резинку для трико, спички.

Если б можно было достать самобрейку, а пока обязательно пару ножиков. Дав. Мойс. одолжил. Потом Дав. Мойс. старые верхние сорочки вязанные старые. Я их почино, если буду жить, а не буду — они Вам тоже не нужны. Вот все. Как в городе? Скучно и тошно? Всех ли жидов уже переловили?

Дорогая Клава! Вы единственный для нас здесь теперь близкий человек. Дай бог, чтобы Вы встретили моих сыновей... что постоянные и последние мысли только о них. Пусть они живут до глубокой старости и такого горя, кк мы узнали никогда больше не знали. Будьте живы и здоровы. Целуйте бабушку, Веру и Власия. Вас крепко обнимаю и целую.
Я.

Забыла: принесите бумагу чистую и нечистую и пару карандашей.

Письмо четвертое

Без даты

Дорогая Клава!
Про то, что я получила деньги я писала в каждом письме. Вы просто невнимательно читали. Рекомендую Вам внимательнее читать. Какая неприятность у Вас была в связи с Миной Б.? Представляю себе, что вероятно ее знакомая выгнала и пригрозила? Я задаю вопросы а ответа не получу уже — так я думаю лежа голая и босая и голодная кк все здесь. И мне придется из моих вещей ей что-нибудь уделить. Ведь очень мало взяла.... белья.

...Вы собрали из моих и своих вещей ей перемени: сорочку, чулки, косынку, платье какое-нибудь. Вы себе представляете, кк я несчастна еще больше от соседства с нею.

Нас хотят услать куда-то. Куда? Никто не знает и не узнает. Узнаете ли Вы когда-нибудь — тоже неизвестно. Говорят, что евреев отдельно, русских отдельно. Евреям вчера передачу не давали. Сегодня еще не знаю.

Вообще, евреев ненавидят по программе — все, все. Гура сидела с нами в камере, так она подняла скандал, что мол, евреи виноваты в ее аресте, словом, колоссальный скандал устроила и ее перевели в другую камеру. Она может еще пакостить. Отдали ли Вы ей сорочку и юбку — отдайте, холера ее возьми!

Я с Дав. Мойс. вижу очень редко. Мужчины отдельно и не разрешают. Я не уверена, что в дороге будем вместе. Он в ужасном состоянии.

...Что если ушлют, то вероятнее всего уже на смерть! Так не хочется еще умирать, не знаю, что с детьми. Где наш дорогой Бобася? Неужели и он в таком же положении, как мы? Только за то [что] еврей? Неужели это преступление, за которое полагается смерть? Какой ужас. И все же хочется верить, что выкарабкаемся. Следите за собой. Поменьше говорите о нас — нас уже почти что нет. Вам поменьше нужно думать о таких злодеях, кк мы? Денег много уходит, не знаю, есть ли еще у Вас? Шубу свою старую облезлую я давно продала, Вы даже не знали об этом, за 50 марок! И вообще Вы родственница наша по бесконечным смешанным бракам. Помогаете с того, что продаете мое и свое барахло.

Дорогая Клава! Вы даже не представляете себе, кк тяжела для нас жизнь, а за

Письмо пятое

6 ию...

Дорогая! Все получила, что Вы передали — решительно все, понимаете? Сто тоже.

Спасибо Вам за все, но вероятно все уже продано? Ничего не осталось — ну и бог с нами [вещами], если останемся жить, то наживем. Главное — встретиться нам всем — с Вами и с дорогими нашими детьми, братьями. Хочется думать, что так оно и будет, иначе судьба нас не сохранила бы — посмотрим! Чтоб наш дорогой Боба был невредим и вернулся таки, тогда будет высшее счастье.

...думаешь, дай бог! Теперь, если будет выходить...

Теперь, пожалуйста, принесите две катушки черных ниток 30 или 40.

Скажите сколько стоит — я должна одну продать потом — узкую резинку для трусов — пару метров — тоже цену дайте. Потом нам всем очень хочется и криветок — маленькие рачки, если не дорого, пришлите.

Псылаю Вам грудь на сорочки, сшейте себе или ждите пока...

Кто перedal Мине тогда деньги [...] и пишу. Что это

Если Вам удастся их незаметно передать... Будьте здоровы, помните, что без Вас мы бы погибли. Не у всех есть такой друг — все мне завидуют и часто ругают, что мне хорошо, а им плохо — а кто виноват?

Целую Вас крепко,
Я.
(Сбоку — Газеты!!!)

Письмо шестое

Без даты

...и сестра
...все, кто знает этого замечательного парня! До чего я скучаю по нем?

...Я и не знала, какое место в моей жизни он занимает. Не хочу жить, если с ним, не дай бог, что-нибудь случится!!

Итак, заканчиваю, кк всегда просьбой. Вы приносите редьку, лук и яички — я делаю салат а где же немного постного масла? Итак, в бутылочке немного его принесите.

А старое кэпи уже передали? Это Мане Суворов(ской). Отец набожный и без шапки нельзя, тк он носит из бумаги — поняли?

....и
(сбоку — бумаги и черный карандаш!)

Письмо седьмое

14 — VI

[]
когда это будет? Понравилась ли Вам грудь на сорочку, которую мы Вам послали? Кстати, пришлите сорочку Д.М. верхнюю, у него все белье украли. Старый дурак, не мог уследить, а теперь ходит в трусах. И сорочку, что Вы купили синюю тоже украли. Хорошо я забрала все вещи его к себе — тк кое что сохранилось. Тк что ему нужно — опять что-нибудь в смысле кальсон и верхних сорочек. Но я боюсь говорить об этом тк кк знаю, что неоткуда. Вы можете делать деньги? Я бы очень хотела, чтоб синяя шерсть, потом красный и белый крепдешин ждали бы меня. Я все надеюсь, что и мы и наши дорогие дети, наш ненаглядный Бобася придет и будет жить с нами. Дай бог!

Спасибо за деньги — они очень пригодились. Кстати, у Д.М. украли четырнадцать марок. Вообще у него полный кавардак — он не приспособлен к такой жизни. Конечно, трудно...жить здесь, но нужно приспособиться, а он никак не умеет — но что я могу сделать? Те деньги, что Вы нам принесли мы тратили просто на пищу потому что дни большие и кушать хочется, мы и покупаем — 15 м. — кило кор. масла, 10 м. — брынза, молоко 1.50 литр, хлеб очень дорогой — 5 — 6 марок. Но это лучше, чем болезнь — вчера в больницу унесли Нину, Лену и еще одну — Фаню, у которых сыпной тиф, и Маню Сувор(овскую), у которой еще неизвестно — сыпной или брюшной — и это с ребенком! Представляете, что мы пережили? А несколько дней и ночей ухаживали за ними и я ужасно спать хочу. А я....

[]
...и это мы без вшей!

[]
...конечно с Бобасей. Где теперь наше несчастное дитя? Во всяком случае он где бы ни был в большем почете чем такие же кк он здесь у нас. Мы его так любим, что он должен вернуться и вернуться! Ведь все мы молимся это и я и ДМ, и ваша...

Письмо восьмое

17 (1-7?)

Дорогая Клава!
Вчера виделась с Дав. Мойс. Он на меня произвел самое удручающее впечатление.

Говорит не к месту, в общем свихнулся человек. К чему это может привести? В таких условиях? Что он [] Я его видела две минуты — больше нельзя, а он безусловно нуждается во внимании, в уходе, а кто ему все это даст?

А теперь нас перевели опять на 4-ый и я в одной камере с Миной и сестрой Мани Сувор(ской), которые теперь тоже заболели. Опять дерганье беспрерывное. Дезинфекция и все прочее. Вообще насколько прежнее письмо было жизнерадостное, настолько теперь у меня настроение кошмарное. Я не рада жизни, пусть бы уже все кончилось. Вы постарайтесь хорошо встретить Бобасю нашего дорогого.

Присылайте марки. С Л.Ф. передавайте, что можете. Только через него. Не дай бог он заболит — нам всем капут.

...Сегодня я ничего прибавить не могу — будьте здоровы и счастливы.

Целуйте Вашу маму Веру и Власия и всех друзей.

Боже, какие Вы все счастливые! А мы? Плачу, плачу.

Письмо девятое

Без даты

Дорогая Клава!
Дав. Мойс. понемногу успокаивается.

Но опять начнет нервничать, когда услышит про то, что нас хотят переселить в другое место. Оно может быть хорошее теперь, но зимой оно было таким, что оттуда не возвращались. Во всяком случае нам нужны больше всего марки. Все же Вы продавайте такие вещи, которые не одевать. Ведь мы прошли очень много испытаний и выскочили живыми, авось и теперь проскочим.

И, главное, наши дети обязательно тоже проскочить.
Целую Вас.
Я

Разрозненные страницы

Так как муж Анны Ивановны Тужилкиной находится вместе с Дав.Мойс. и вероятно и судьба наша будет общей, одинаковой, то Вы сможете у нее узнать и про нас, если мы уже не будем здесь. Адрес: Еврейская (Бебеля) 19 - Вы были у нас, давали знать тогда же мальчику Серреже. Вот Вам уже и связь, о какой я мечтала. Будете иметь нити. А лучше, конечно, чтоб я сегодня легла и утром не встала. Об этом я уже мечтаю много месяцев, но судьба меня сохраняет. Неужели для того, чтобы я встретилась с нашим дорогим Бобасей? Дай, дай Бог!

(почерк деда)

Дорогая Клава!
У нас большое несчастье: Роза заболела и очень подозрительно, что у нее сыпняк. Что делать — ума не приложу. Лечение никакого нет. Нужно усиленное питание (масло, молоко и т.д.), а у нас нет никакого, ибо все передачи Ваши, начиная с прошлого вторника какая-то воровка-стерва получила вместо Кальницкой и нам не отдавала, так что все они пропали.

Теперь передачу делайте только на имя одного из двух людей, которые находятся в одной камере со мной и которые безусловно честны.

1 Миндрул Василий (4-й этаж, камера 2)

2 Чумаченко Александр (4-й этаж, камера 2)
Когда будете посылать вызов на передачу, обязательно пишите на своей вызывной записке свое имя "Клава" — тогда будет известно, что их вызывают для нашей передачи. Молите бога за Розу, да сохранит он ее нам. Сдавая передачу, обязательно говорите, когда Вы придете в следующий раз.

Помните, что мы уже 9 дней не получали передачи и самым настоящим образом голодаем. Какая-то стерва получила все наши передачи и сожрала их а я и бедная больная Роза голодаем...

Спешно продайте мой синий костюм и сделайте для нас деньги.

Повторяю, передачу сдавайте только одному из вышеуказанных двух лиц.

Целую.
(До да?)
Клаве Нечаевой
Улица Петра Великого, дом 11
Рядом с немецким консулом

И это — всё...